

* * *

Целуя крест и страхам потакая,
Мы задавать вопрос не устаем:
Зачем мы есть и цель у нас какая?
Но Бог велик в молчании своем.

И глядя вниз с заоблачной границы
На этот мир, во многом не простой,
Любуясь нами, в нас не усомнится,
Лишь усмехнется, вспомнив день шестой.

* * *

Свои миры рождая и круша,
Паря меж звезд в божественном экстазе,
Живет моя бессмертная душа
С душой любимой в неразрывной связи.

Когда же смерть, подобно багажу,
Судом упившись, отправляет прочь их,
Тогда ищу и снова нахожу,
Ее одну, среди миллиона прочих.

Раз Бог — любовь, и в этом нет подлога,
Тогда душа и есть частица Бога.
Вселенской тайной связаны навек,

Когда мы рядом и когда вдали мы,
Как две частицы — мы неразделимы.
Жить без любви не может человек.

Стакан початый, хлеб да лук,
 Что жизнь ссудила — пройдено.
 Сомну окурок о каблук:
 Ну, здравствуй, Родина!

Я прежде был немного рьян,
 К тому ж манило далями,
 Но полетел, как все, в Афган
 Не за медалями.

Не ставил славу я ни в грош —
 Гнала нужда банальная.
 И воспитание, ну сплошь,
 Интернациональное.

В краю чужом, за речкой, там,
 Где ночью маки светятся,
 Я умирал, но знал, что нам
 Нельзя не встретиться.

О, как тебе я доверял.
 Но осознал до боли я,
 Мы — «подружейный матерьял»,
 Что отслужил, не более.

Чужих дорог связав концы,
 Мир берцами измерили.
 А, впрочем, жили, как отцы —
 Все в сказки верили.

Меж громких дат и славных вех,
 Забывчивостью связана,
 Живет страна, не помня тех,
 Кому обязана.

Я видел дальние края,
 Не гостем был на поле ратном.
 Ах, как грустит душа моя,
 Порой о чем-то невозвратном.

Я крал любовь, другим даря.
 Теперь не то, дней зря не трачу.
 Как у святого алтаря,
 У ног твоих молюсь и плачу.

Мне падший ангел был знаком.
 Однажды он назвал мне дату.

О ком поешь метель, о ком?
К закату день и жизнь к закату.

Но это после, а пока
Сияет даль покровом снежным.
В моей руке твоя рука
И страха нет пред неизбежным.

КОВЧЕГ

Качнулось небо надо мной.
Жизнь — дар,
Но даром, что не вечен.
Я крепкорукий старец Ной,
Ковчег готов
И путь намечен.

Труды окончены. Я горд.
И сознавать
Совсем не горько,
Что ничего с собой на борт
Не подниму я.
Разве только...

Лишь то, чего дороже нет.
Что дарит свет нам,
Не сгорая —
Я буду памятью согрет
В холодном чреве
Пребывая.

Как восхитительно строга
Холстами
Выстланная рубка.
Искать иные берега
Лети,
Душа моя — голубка!

* * *

Река свинцовая и лес
Предзимним скованы недугом.
И как разведчики, с небес
Снежинки первые над лугом.

Прижмись, любимая, ко мне.
Сквозь дымку сказок и преданий,
Тот белый всадник на коне —
Предвестник прежних испытаний.

Но пусть в разлете мертвых спор
Мир содрогается и стонет,
Он не погибнет до тех пор,
Пока тепло хранят ладони.

* * *

Преграда тонкая
Меж миром тем и этим.
Струною нестроеной дрожит.
Пройдя ее —
Ее мы не заметим,
И лишь озноб по коже пробежит.

Привычный мир
И зрим, и узнаваем.
А тот, другой — неведом до поры.
Но только то,
Что смертью называем
Нам открывает новые миры.

И если там,
За призрачной границей,
Две силы вечных: блага и греха,
Сольются вновь и тело возродится,
То значит смерть
Не так уж и плоха.

* * *

Сколь силой не хвались,
А все в одно упрется:
Хоть бегай, хоть молись,
А помирать придется.
Тот знает, как украсть,
Тот к каждой юбке льнется
И норовит во власть,
А умирать придется.

В мой день и час, когда
Нить жизни надорвется,
И в дом войдет беда,
И помирать придется —
Не размыкая век,
Ей молвлю лаконично:
— Я русский человек,
Мне помирать привычно.

В глухой обители лесной
Смотрю как гаснет луч янтарный.
Усну зимой — проснусь весной,
Пускай пока что календарной.

Я дотерпел. Я это смог:
И не предать, и не прогнуться.
А даты? Даты лишь предлог,
Простить кого-то и вернуться.

У сладкой дремы на краю
Я помолюсь, Бог не осудит,
Пусть март разделит жизнь мою
На то, что было и что будет.

* * *

Душа моя, в какой-то миг,
Умчит, преград не замечая.
Вон, сколько их — планет иных,
Где ждут ее, по ней скучая.

Умчит, все споры разрешив,
Земных законов скинув бремя.
Что расстоянье для души,
Когда она и свет, и время?

Она — сознание мое!
А я, забытый, возликую
При воцарении ее
Во плоть причудливо иную.

Кем будет он? Не знаю я.
Меня терзает мысль другая:
В нем станет жить душа моя,
Меня уже не вспоминая.

Но там, за звездным витражом,
Навек поселится, я знаю,
В нем, недоступном и чужом,
В нем неземном — печаль земная.

* * *

Когда колец моих годичных
Неровный спил сгорит в огне,
Мне станет, право, безразлично,
Что скажут люди обо мне.

Ведь что с того, что через годы,
Рукой опершись о гранит,
Стихи мои, читатель гордый,
Похвалит или побранит?

Но все же, что-то движет нами...
Поэт, пером вооружись!
Послужат книги пропусками —
Билетами в иную жизнь.